

РИСКИ ГРЯДУЩЕЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СТРАНЫ: НУЖНЫ СОЦИОЛОГИ- РИСКОЛОГИ

Кравченко С. А.

В статье рассматриваются потенциальные риски, связанные с грядущей модернизацией страны, программа которой была выдвинута Президентом России Д. А. Медведевым. Автор утверждает, что современные вызовы рисков обусловлены, прежде всего, амбивалентностью самого процесса инноваций в науке и технологиях: их результаты несут в себе не только ожидаемые блага для людей, но и ненамеренные последствия в виде новых опасностей. Анализируется проблема инновационных подходов к безопасности страны в контексте новых перспектив управления рисками. Обосновывается положение, согласно которому преодолеть вызовы рисков можно, развивая творческое и гуманистическое мышление, осуществляя подготовку профессиональных специалистов социологов-рискологов и риск-менеджеров.

Ключевые слова: кризис, социокультурная динамика, самоорганизации, безопасность, нелинейно-гуманистическое мышление, гуманизм

Keywords: crisis, sociocultural dynamics, self-organization, security, non-linear-humanistic thinking, humanism

В Послании Федеральному Собранию Президент России Д. А. Медведев отметил, что в прошлом веке предпринимались неоднократные попытки превращения страны в великую мировую державу. На этом пути мы добились всемирно признанных успехов: лидировали в создании космических, ракетных, ядерных технологий. И, тем не менее, Советский Союз «не выдержал конкуренции с постиндустриальными обществами»¹. Ныне выдвинута новая стратегия модернизации: «В XXI веке нашей стране вновь необходима всесторонняя модернизация. И это будет первый в нашей истории опыт модернизации, основанный на ценностях и институтах демократии. Вместо примитивного сырьевого хозяйства мы создадим умную экономику, производящую уникальные знания, новые вещи и технологии, вещи и технологии, полезные людям»². Краткий контент-анализ его выступления позволяет дать общее представление о программе модернизации, ее векторе. Слово «модернизация» употребляется 20 раз, «инновация» – 14, «стратегия» – 11, «информация» как сущностная характеристика будущего общества – 18, «риск» – 3, «опасность/безопасность» – 12, «гуманизм» – 2, «культура» – 19 раз.

Ясно, что в масштабных преобразованиях страны без рисков не обойтись. Какие же факторы являются гарантом того, что нынешняя модернизация не станет очередным утопическим скачком в «счастливое будущее» и будет успешно воплощена в жизнь в отличие от всех предшествующих модернизаций? Их три основных. Во-первых, *анализ причин прошлых неудач*, которые видятся в «закрытости общества» и «тоталитарном политическом режиме». Это, несомненно, все так. Но, представляется, необходимо назвать еще одну весьма значимую причину – *ни одна из предшествующих программ не опиралась на достижения мировой общественно-научной мысли*, что в принципе можно было бы сделать сравнительно легко. Приведу лишь один частный пример из нашей недавней истории 1990-х, когда достижения общественной науки уже были доступны, но, к сожалению, не востребованы. Бесспорно, Россия созрела для свобод и демократии. Но их утверждение, согласно науке, требует *адекватного социального времени*. Как показал еще классик социологии Э. Дюркгейм, быстрый переход от одних ценностей и другим (неважно от каких к каким) неизбежно порождает идейный разброд, ценностный вакуум, аномию,

Кравченко Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий Кафедрой социологии МГИМО (У) МИД России, e-mail: sociol@mgimo.ru. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Грант № 09-06-00434а.

Научные школы МГИМО

являющуюся, по существу болезнью общества, симптомы которой – резкое увеличение девиантного поведения в виде значительного роста самоубийств, правонарушений и других проявлений социальной деструктивности. Прежняя модернизация в виде «шоковой» терапии, не учитывавшая элементарное социологическое знание, привела общество к болезни, последствия которой еще полностью не преодолены.

Второй фактор – ставка на *общественную инициативу, самоорганизацию*: «Вместо архаичного общества, в котором вожди думают и решают за всех, станем обществом умных, свободных и ответственных людей»; «воспитание личности, готовой к жизни в высокотехнологичном, конкурентном мире»; «укрепление демократических институтов на региональном уровне»³ и т.д. Однако развитие самоорганизации предполагает переход к *принципиально новым рискам*, которые обязательно несут в себе потенциал *ненамеренных и непредвиденных последствий*. Это очень серьезная проблема, которая в прежних модернизациях просто игнорировалась, что и приводило к их половинчатости, незавершенности, а то и провальности. Если техногенные риски как-то принимались во внимание, просчитывались, то риски социальные игнорировались: никто из прежних руководителей просто не задумывался о непредвиденных и ненамеренных последствиях «скачка» в иное общество, что предполагало разрывы социума, связанные, в частности, с попытками осуществить то «отмирание» государства, то утверждение «самоуправления народа посредством самого народа», то взятие суверенитета по принципу «кто сколько может». Готовы ли к *цивилизованной* самоорганизации ныне существующие общественные структуры с их достаточно ригидными функциями, ориентированными на административное управление, на распоряжения, спускаемые сверху? Насколько рядовые россияне субъективно предрасположены к инициативным действиям с учетом особенностей нашего национального характера и исторических социальных практик? Исследования социологов выявили существующие здесь очевидные парадоксы и «кентавризмы»: с одной стороны, большинство россиян – за свободы и демократию, а с другой – сохраняются вождистские ориентации, расчет на государственный патернализм, боязнь инициативы, которая, как известно, «всегда наказуема»⁴. Кроме того, будет ли учтен прежний опыт общественно *дисфункциональной* самоорганизации, характерный для 1990-х годов? Если не дать ответы на эти и подобные вопросы, если не перевести проблемы в плоскость принятия во внимания *латентных*

компонентов общественной инициативы, нас ожидают *коллизии* между самоуправлением и государственным управлением, рост *неуправляемости рисками*, резкое *увеличение непредвиденных последствий* модернизации.

Третий фактор – акцент на *интеллектуализм и прагматизм*: «Вместо сумбурных действий, продиктованных ностальгией и предрассудками, будем проводить умную внешнюю и внутреннюю политику, подчиненную сугубо прагматичным целям»⁵. В нашем понимании, это, прежде всего, *учет объективных реалий* увеличивающейся и усложняющейся социокультурной динамики, рискогенности открытого самоорганизующегося социума, неожиданных бифуркаций, которые становятся почти нормой. В само Бытие, как считает Нобелевский лауреат И. Пригожин, включаются состояния хаоса, которые являются источниками движения и самоорганизации⁶. Это – *субъективный фактор* в лице *профессионально подготовленных специалистов*, представляющих научную рискологию и эффективно функционирующий риск-менеджмент. Насколько же готовы объективный и субъективный факторы к грядущей модернизации?

Поставленные вопросы диктуют необходимость обстоятельнее остановиться на рисках грядущей модернизации страны.

Динамичная, многоликая природа риска

Объективное содержание риска и его интерпретации в сознании людей находятся в постоянном изменении. Их суть детерминирована культурным пространством (включая локальный и глобальный контекст), временем, сферой жизнедеятельности людей. Но главное, сущность риска существенно изменяется в контексте модернизаций социума, осуществляемых в сравнительно короткий исторический период, когда наблюдается резкий рост новых «случайных» опасностей, являющихся, как правило, результатами *ненамеренных последствий* более или менее спланированных коллективных действий людей.

В европейские языки, прежде всего в итальянский и испанский слово «риск» входит вместе с *модернизацией эпизодического культурного взаимодействия* между народами, что связано с распространением мореплавания: увеличиваются разного рода несчастья, появляются риски морских разбоев и первые попытки управления рисками – зарождается страхование. «Риск» включается в словари немецкого и французского языков лишь начиная с середины XVI века, английского – только со второй половины XVII века. В Словаре В. И. Даля дается следующее определение: «Рискованье, риск – отвага, смелость,

решительность, предприимчивость, действие на авось, наудачу. Рисковое дело – неверное, отважное. Рискователь – рискующий... отважный человек»⁷. Как видно, наши предки с незапамятных времен, так или иначе, сталкивались с разного рода неопределенностями, что стимулировало *десакрализацию* риска: в определении речь идет о *решении* индивида *действовать*, что может принести как удачу, блага, так и, напротив, ущерб. Но в то время риск не был институализирован, касался весьма ограниченного круга людей, являясь побочным продуктом опасной деятельности.

Риск обретает принципиально новое содержание в процессе *индустриальной модернизации* в начале XX века, когда повсеместно в экономические практики, менеджерскую деятельность входит проблематика неопределенности как одного из возможных исходов. Для интерпретации феномена риска выдвигаются математические, экономико-социальные, статистические подходы. То было время веры в возможность исключительной рациональной деятельности человека, которая практически рассматривалась как панацея от всякого рода негативных неопределенностей и ущербов. Впервые проблему рационального поведения людей в условиях риска и неопределенности поднял американский экономист Фрэнк Найт в 20-е годы прошлого столетия. Ученый был убежден в том, что в большинстве случаев неопределенность можно измерять, калькулировать с помощью математических или статистических методов и тем самым создать рациональный механизм управления рисками⁸.

Содержание рисков существенно изменилось в процессе *послевоенных модернизаций*, когда научно-технические, социальные, политические инновации практически стали повседневную нормой, вошли в жизнь всех людей. Кроме того, возникли *принципиально новые* риски, определение качества которых выходит за пределы возможностей научного аппарата математики и статистики, ибо функционирование новейших технологий, развитие демократической и предпринимательской самоорганизации несут в себе *латентные* рискогенные факторы, которые нельзя оценить с помощью линейных каузальных связей. В самом деле, далеко не все риски (политические, экологические, медико-биологические, технологические и т.д.) можно выразить с помощью математического инструментария и в терминах страхования, прибегая к денежному эквиваленту. Кроме того, самостоятельную значимость приобретает человеческий фактор в рискованных ситуациях. Все эти моменты попытался учесть

французский ученый, лауреат Нобелевской премии по экономике Морис Алле, который в 50-е годы прошлого века предложил *социально-психологический* подход к рискам, нацеленный на изучение *выбора альтернатив в условиях риска*, учет *субъективных, культурно обусловленных деформаций* объективных реалий (индивид рассматривает лишь те вероятности, которые он себе представляет в контексте своей культуры, приобретенных знаний, а не те, какие существуют в действительности). Грань между объективным содержанием риска и его субъективным восприятием крайне *подвижна в различных культурах и субкультурах*. Соответственно, разные социальные группы по-разному *социально конструируют* риск, исходя из специфики приобретенного *риск-опыта*. Сказанное касается даже *научного* знания о рисках. Каждая наука имеет свою предметную сферу исследования риска и дает ему *свое определение*.

С тех пор как ученые осознали сложную, динамичную, многоликую природу рисков, увеличивается, соответственно, и разнообразие теоретико-методологического инструментария его изучения. Риск стал предметом многих наук. Но если *отдельные типы* рисков в *конкретных сферах* жизнедеятельности изучаются специалистами соответствующих направлений научного знания, то сложные по структурам и функциям риски, глоболокальные риски, интерференция рисков – наложение друг на друга последствий технологических, экономических, социальных, политических, экологических, медицинских и иных рискогенных факторов – исследуются практически только *социологами-рискологами*, которые настаивают на введении *качественных, культурных* измерений новых рисков. В них важнейшими составляющими является изучение *латентных последствий* риска, фактор *социальной ответственности*: ныне все чаще представителям многих профессий – политикам, дипломатам, энергетикам, химикам, биологам, медикам и другим – подчас необходимо принимать весьма рискованные решения и действия, которые сулят прорывы к инновациям, в первом приближении, несут очевидные блага, но они же, *если выйдут за допустимый порог саморегуляции* той или иной сложной системы, могут привести к потере управляемости инновационными процессами и катастрофическим социальным последствиям. Достаточно вспомнить политические решения по освоению инновационных технологий, осуществлявшихся во имя престижа Отечества, которые принимались без учета взаимозависимости сложных систем, их потенциальной рискогенности. Риски проявили себя лишь через десятилетия.

Научные школы МГИМО

Д. А. Медведев в своем Послании конкретно обозначил их: это риск увольнения людей с предприятий, которые по тем или иным причинам перестали функционировать, – таких у нас более 1 миллиона человек, это и рискогенные социальные ситуации в моногородах, которых в России несколько сотен и в них живут более 16 миллионов человек⁹.

Если эта тенденция – *отложенных ненамеренных негативных последствий* – справедлива для рисков общества пятидесятилетней давности, то она тем более актуальна сегодня, когда содержание риска стало существенно более сложным. Эту тенденцию обязательно необходимо принять во внимание при проведении нынешней модернизации – она включает в себя потенциальные рискогенные вызовы. Создатель теории «Общества риска» немецкий социолог Ульрих Бек, говоря о сути современных рисков, отмечает: «Риски не исчерпываются уже наступившими следствиями и нанесенным ущербом. В них находит выражение существенная компонента *будущего*... В каком-то очень важном смысле они (риски) *реальны* и одновременно *нереальны*. С одной стороны, многие угрозы и разрушения уже реальны: загрязненные и умирающие воды, гибнущие леса, неизвестные ранее болезни и т.д. С другой стороны, социально направленная тяжесть аргументов риска приходится на *угрозы, ожидаемые в будущем*»¹⁰.

И еще один принципиальный момент. Если столетие назад за последствия рискованных действий отвечал сам рискующий или, в крайнем случае, социальная группа, к которой он принадлежал, то ныне решения принимаются коллективными акторами, которых, как правило, невозможно персонально идентифицировать, при этом следствия рискогенных решений ложатся на плечи всех членов общества. «От доиндустриальных природных бедствий риск отличается тем, что его истоки надо искать в решениях, которые принимаются не индивидами, но целыми организациями и политическими группами», – пишет У. Бек. – В «Обществе риска» за риски «ответственны люди, фирмы, государственные учреждения и политики»¹¹.

Обобщая сказанное, мы исходим из того, что *риск – динамичный феномен, постоянно усложняющийся под влиянием* социокультурной динамики, самоорганизации социума. Кроме того, *субъективное* восприятие риска может не отражать его *объективное* содержание, зависит от множества культурных факторов. К наиболее ныне значимым и проблемным для грядущей модернизации отнесем *социальную дистанцию – увеличения/уменьшения расстояния до рискогенного источника*. Классик социологии Георг Зиммель

отмечал «трагизм» массовой культуры, выражающийся в том, что человек становится «циничным», все более близоруким, «недалеко чувствующим». Так, риски вооруженного конфликта, идущего в другой стране, подчас, воспринимаются менее значимыми, по сравнению с рисками этнических конфликтов или экологическими рисками в собственной стране. Однако это *иллюзорный эффект*: фактически глобализация сокращает социальную дистанцию до источников риска, которые, в свою очередь, имеют тенденцию к пространственному расширению. Есть, конечно, риски, которые сохраняют свою значимость лишь в *локальном* контексте и *пока* практически не касаются национальной безопасности России (риски эпидемий ряда болезней, голода, сокращения запасов питьевой воды, энергетических ресурсов). Однако тенденции усложняющейся социокультурной динамики все более придают этим рискам *глобальный* контекст, значимый и для России. Умная внешняя и внутренняя политика, подчиненная прагматическим целям, за которую ратует Президент, предполагает, что россиянам должно быть дело до всех значимых источников риска, на какой бы дистанции они бы от нас не находились.

Таким образом, с учетом динамичной, многогранной природы риска мы предлагаем следующее его определение: риск есть возникновение ситуации с неопределенностью, основанной на дихотомии реальной действительности и возможности: как вероятности наступления объективно неблагоприятного последствия для социальных акторов (индивидуальных или коллективных), так и вероятности обретения выгод и благ, что субъективно воспринимается акторами в контексте определенных ценностных координат, на основании чего осуществляется выбор альтернативы действия¹².

Подчеркнем, без *осознанного* принятия актором решения, без активного анализа опасности и осуществления действия *нет риска*. В таком случае речь идет лишь о наличии *опасности*. Из этого следует, хотя современных рисков вообще избежать невозможно, они имманентная составляющая современности, ими *можно и нужно управлять*, ибо риски – суть *осознанных* выборов альтернатив, осуществляемых людьми. От того, какие сделают выборы россияне в контексте ориентации на самоорганизацию, включают ли они в расчет явные и латентные факторы принимаемых решений, будут ли проанализированы как ожидаемые, так и их ненамеренные последствия, каково будет при этом соотношение интеллектуального, прагматического и гуманистического компонентов, будет, в конечном счете, аккумулирующий результат

модернизации. Эффективное управление рисками во многом зависит от демократически организованной борьбы идей за конкретные альтернативы. Здесь, очень уместны соображения Д. А. Медведева: важна «возможность для открытого обсуждения возникающих проблем, для честного соревнования идей, определяющих методы их решения»; необходимо создавать «дополнительные условия для свободной, справедливой и цивилизованной конкуренции между партиями»²³.

Рискогенность модернизации

Президент поставил вопрос «выживания нашей страны в мире», квинтэссенция которого в следующем: «Мы должны начать модернизацию и технологическое обновление всей производственной сферы».

Прежде всего, отметим, что грядущая модернизация разворачивается на очень неблагоприятном фоне *обновления ситуаций риска* в мировом сообществе. Они обязательно повлияют на характер нашей нынешней модернизации, привнеся *дополнительные*, в ряде случаев «чужие» нам риски. Назовем лишь некоторые из них. Это – риски современного глобального кризиса, который, по нашему мнению, вызван не только и даже не столько финансовыми и экономическими проблемами, сколько «устареванием», дисфункциональностью основополагающих форм западной культуры, включая идеологии, ценности, стили жизни²⁴. Примечательно, что новая Администрация США развернула борьбу с «культурой жадности», осознавая, что без этого не решить экономико-финансовые проблемы. Это – риски политических катаклизмов, связанные со становлением многополярного мира. Во многих странах Востока и Юга разворачиваются свои национальные модернизации, основанные на ценностях локальных культур, противостоящих западной культуре, что само по себе производит политические неопределенности. Это – риски, вызванные стремлением ряда политических лидеров обрести новые идентификации своих стран, подчас, ценой военных и технологических инноваций, рискогенных для всего мира, прибегая также к провоцированию всевозможных конфликтов. По существу, они оказались не готовыми к деятельности в условиях глобализирующегося мирового сообщества, продолжая видеть свои локальные проблемы через призму силового развития: наращивают потенциал для достижения собственной безопасности без оглядки на интересы и безопасность соседей, воспроизводя так или иначе риски прежнего противостояния «врагов» и «друзей». Это – риски новых заболеваний, причина

которых не столько в медицинских, сколько в разнообразных социокультурных факторах. К ним, частности, относятся: открытость глобализирующегося социума, что порождает невиданные ранее миграционные и туристические потоки, изменения в образе жизни, диетах, развитие культурно обусловленных синдромов и т.д.

Эти и другие риски мирового сообщества, конечно, должны быть учтены в процессе модернизации. Но главное – последствия технических и научных инноваций *амбивалентны*. Они несут не только *блага*, на которые изначально ориентированы, но и новые проблемы, а то и *беды*, являющиеся, как правило, *ненамеренным*, сопутствующим результатом. Нужно быть готовыми к тому, что *любые* инновации рискогенны по своей природе. Это значит, как считает американский социолог Ч. Перроу, что следует ожидать увеличения рисков «нормальных аварий»²⁵ – сложные технологические системы потенциально рискогенны, в них роль человеческого фактора возрастает. Ускоряющаяся и усложняющаяся динамика знания и жизнедеятельности приводит к тому, что даже рекомендации экспертов содержат весьма большой потенциал риска при их реализации. При этом к «нормальным авариям» необходимо относиться не как к неизбежной данности, а осуществлять *планомерный мониторинг* сложных систем, тем самым будут сэкономлены средства на борьбу с последствиями аварий техногенного толка, возможными политическими и экономическими кризисами.

Аналогично, сложные социальные системы, основанные на сетевом взаимодействии самоорганизованных акторов, также потенциально рискогенны, чему способствует и фактор стирания непосредственных каузальных связей между акторами, рисками и опасностями. Они обретают весьма сложный *неодетерминистский* характер: отклик рискогенного поведения самоорганизованного актора в ответ на проблемы/опасности, произведенные другими акторами, может быть не адекватен и даже противоположен тому, что ожидается. Президент считает, что социальные акторы, находящиеся в сетевом взаимодействии по всей стране, особенно *в разработке инноваций*, должны, соответственно, *разделять риски*: «Институты развития должны заниматься поиском и отбором перспективных проектов по всей территории страны, предоставлять финансовое содействие инновационным предприятиям, в том числе малым инновационным предприятиям, которые создаются сегодня по известному закону при вузах и научных учреждениях, при этом разделять риски и частными инвесторами».

Научные школы МГИМО

Следует также прогнозировать, что под влиянием модернизации получат распространение так называемые *эффекты неожиданных бифуркаций*. В точке бифуркации, согласно теории «динамического хаоса» И. Пригожина, разрывы социума, переходы в новое состояние происходят под влиянием даже малозначительных воздействий, что, естественно, рискогенно, влечет неопределенности, в частности, возможное *деление* конкретной рискогенной ситуации на ряд самостоятельных потенциальных опасностей, но, возможно, и прорывных эффектов, функционально приносящих блага людям.

При всем том, что риски модернизации, несомненно, поставят перед россиянами много неожиданных, возможно, даже экзистенциальных проблем, эти проблемы не сопоставимы с проблемами *риска демодернизации*. Российский социолог-рисколог О. Н. Яницкий подчеркивает архиважность решения проблемы *риска демодернизации* российского общества, что ведет к нефункциональности и дисфункциональности в экономике, социальной жизни, политической сфере. В частности, он отмечает возникновение рисков «теневизации» экономики, рост численности групп риска (безработные, бомжи, беспризорные дети и др.), политическую маргинализированность альтернативных общественных движений и оппозиционных партий¹⁶. Крайней дисфункциональности общества, по его мнению, способствуют риски беспредела, превращающие общество в антисообщество¹⁷.

Модернизация за счет развития самоорганизации позволяет вывести страну на уровень качественно более высокого социального порядка. Как это не парадоксально, залогом тому являются неопределенности, обусловленные *плюрализмом возможностей* организации жизнедеятельности, и риски самотворения, самоорганизации. Президент Международной социологической ассоциации (1994—1998) И. Валлерстайн прямо рассматривает неопределенность, наличие альтернативных путей как фактор, позволяющий сделать общество качественно лучше: «Мы были бы мудрее, если бы рассматривали эту неопределенность не как нашу беду и временную слепоту, а как потрясающую возможность для воображения, созидания, поиска. Множественность становится не поблажкой для слабого или невежды, а рогом изобилия, помогающим сделать мир лучше»¹⁸.

Отсюда следует, что нужно не противостоять, а принять факторы неопределенности, используя их для *общественно значимого* функционального развития, имея также в виду, чтобы они *в принципе были управляемы* институциональными

структурами. В связи с этим особо отметим потенциальные риски развития *самоорганизации*. Наш предыдущий негативный опыт по развитию общественных инициатив требует подойти к проблемам развития самоорганизации в контексте модернизации серьезно.

В условиях относительно закрытого социума административно-командная система управления была достаточно эффективной (по меркам той исторической эпохи). Однако ее судьба была предрешена усложняющейся социокультурной динамикой, появлением *самоорганизованных акторов* как индивидуальных, так и коллективных. И система была разрушена, но без создания новой системы управления, адекватной требованиям времени. Как отмечает академик Т. И. Заславская, к тому социальному порядку «более применимо понятие *спонтанной трансформации* общественного устройства, ни генеральное направление, ни конечные результаты которого не предрешены»¹⁹. Спонтанная трансформация стала мощным фактором изменения структур и функций самого общества и, конечно, самих россиян, их мышления, идеалов и ценностей. *Государство утратило монополию на легитимное насилие* – спонтанно возникли вооруженные криминальные структуры и частные охранные предприятия, практически никому не подконтрольные. Также спонтанно шел процесс разгосударствления собственности, создания институтов рыночной экономики и параллельно – всевозможных финансовых пирамид. В итоге в стране возникли невиданные ранее риски хаотизации общественной жизни, проявляющейся буквально во всех сферах.

Подобная ситуация в значительной степени преодолена и в процессе модернизации ее можно в принципе еще улучшить. Для этого необходимо двигаться в направлении нахождения оптимального соотношения самоорганизации с государственным управлением как цивилизованного, рационального и гуманистического способа взаимодействия людей с их участием, предполагающего углубление разделения общественного труда, соответственно, превращение управления в *самостоятельный* механизм жизнедеятельности. «Социальное управление, в котором не участвуют те люди, для решения проблем которых оно создано, – отмечает известный российский специалист по социологии управления А. В. Тихонов, – просто перестает быть управлением и становится элементарной и беззастенчивой манипуляцией людьми, фактором отчуждения людей от общих задач, интересов»²⁰. В итоге производятся риски политической апатии и недоверия к ряду институтов демократии.

Инновационное управление, на которое ориентирована модернизация, не должно подавлять самоорганизацию и не потворствовать ее девиантной направленности, а всемерно развивать *общественно значимую* самоорганизацию. В противном случае общество столкнется с рисками «отложенных» опасностей в виде разного рода чрезвычайных ситуаций. Здесь необходим реализм, взвешенный учет возможностей: можно прогнозировать, что разные социальные группы россиян, объективно живущие в различных темпомирах, не смогут одновременно и быстро адаптироваться к требованиям современно понимаемых самоорганизации и управления. Но эти люди *не должны стать «отбросами» модернизации*, воспроизводя *модернизационную маргинальность* или *девиантную самоорганизацию*. **Инновации в безопасности: управление рисками**

Содержание безопасности *многолико и динамично усложняется*, зависит от множества факторов, *значимость которых меняется во времени и пространстве*. Соответственно, появляются новые составляющие безопасности в контексте предстоящей модернизации. В Послании, как нам представляется, Президент дал *инновацию трактовку безопасности России*, которая органично, комплексно включает в себя следующие составляющие: *безопасность граждан*, основанная на переходе к *здоровому образу жизни*, *экологическая безопасность*, *общественная безопасность*, *безопасность России на международной арене*.

Если прежние модернизации страны осуществлялись *за счет* человеческих ресурсов, реальной жизни простых советских людей, которая зачастую приносилась в жертву Отечеству, то нынешняя модернизация осуществляется прежде всего *для* россиян, имеет цель *обеспечение безопасности*, включая *улучшение здоровья*. «Отечественная экономика, – отметил Президент, – должна, наконец, переориентироваться на реальные потребности людей, а они сегодня главным образом связаны с обеспечением безопасности, с улучшением здоровья, с доступом к энергии и с доступом к информации». В такой плоскости проблемы модернизации, по определению *рискогенные*, еще никогда не ставились.

Модернизация изменит соотношение между старыми и новыми рисками безопасности и здоровья. Несомненно, снизится доля определенных традиционных рисков, чему будут способствовать инновации науки и техники. Пожалуй, наиболее существенные перепады в профилях традиционных и новых рисков можно наблюдать

в медицине, что обусловлено существенными изменениями медицинских воззрений на патологии, внедрением инновационных методов лечения²¹. Если еще совсем недавно риски смертности от инфекционных болезней были наибольшими, то использование в медицинских практиках все новых, более совершенных антибиотиков радикальным образом изменило риски причин смертности – на первое место вышли риски смертности от сердечно-сосудистых заболеваний и рака. Аналогично, если риск заболевания диабетом практически отсутствовал в бедных странах (изначально диабет трактовался как болезнь богатства), то ныне, как отмечает испанский социолог М. Л. Рей, риск заболеваний диабетом в развивающихся странах «драматически увеличивается»²².

Естественно, что и в России динамика рисков заболеваемости также изменяется. К сожалению, болезни усложняются и по мере инноваций в технике и образе жизни преподнесут еще много неприятных сюрпризов. Но и этими сложными рисками можно управлять. «Важнейшее для наших граждан направление работы, – отметил Д. А. Медведев, – развитие медицинской техники, технологий и фармацевтики. Мы обеспечим людей качественными и доступными лекарственными средствами, а также новыми технологиями профилактики и лечения заболеваний, в первую очередь тех, что являются наиболее распространенными причинами потери здоровья и смертности». Президент добавил, что это проблема не только российская, но и мировая, поэтому «нужно активнее развивать партнерство с ведущими зарубежными разработчиками и производителями, имея в виду и организацию в России передовых исследований в медицинской сфере»²³.

Важен и еще один принципиальный момент. Безопасность – это не только собственно здоровье человека, но и *здоровый образ жизни* нации в целом. Президент подчеркнул: «Наряду с внедрением новых технологий профилактики и лечения необходимо с особым вниманием относиться к созданию мотиваций и условий для здорового образа жизни»²⁴.

Составляющей безопасности страны является природная среда, в которой живут россияне. Проблема эта не только наша, но и мирового масштаба: экосистемы разрушаются и на глобальном и на локальном уровнях. С модернизацией, неизбежными новыми рискогенными вызовами природе, увеличивается значимость *экологической безопасности*: «Мы обязаны думать, – сказал Президент, – какие природные богатства сможем сохранить и передать будущим поколениям»²⁵.

Научные школы МГИМО

Проблемы *общественной безопасности* в стране за последние годы существенно осложнились. На наш взгляд, одна из важнейших причин тому – недооцененные *латентные риски открытого общества*. Открытое общество дает его членам новые, невиданные ранее преимущества для полноценной жизнедеятельности²⁶. Многие народы, включая россиян, стремятся жить в открытом обществе. Однако не все так просто. Наряду с очевидными благами открытое общество несет в себе *имманентные риски общественной безопасности*. Границы страны *перестают быть охранительными рубежами* в отношении иных культурных ценностей. Дело не в простом увеличении культурных артефактов, приходящих к нам по каналам глобализации, и не в возникшем разнообразии конкурирующих идей.

Важнейшей проблемой общественной безопасности становится *усложняющееся изменение само по себе*, к которому существующие институциональные структуры оказались не готовыми. Это не какое-то отдельное изменение, но само по себе *рискогенный* образ жизни в условиях всеобщих перемен, когда *нормой* или, по крайней мере, *обыденностью* становится экспансия самых разных «чужих» контркультур, появление новых форм девиантного и криминального поведения, включая терроризм. Кроме того, увеличивается производство *новых* маргинальных групп – людей не временно безработных, а тех, которые вообще по культурным, психическим причинам не могут адаптироваться к усложняющейся социокультурной динамике, что неизбежно порождает все *новые социальные группы риска*. Все эти и другие «чужие» рискогенные факторы прямо влияют на характер нашей общественной безопасности, создают новые вызовы для здорового образа жизни, что не может не учитываться при модернизации общественной безопасности. Подчеркнем, *многие новые формы преступлений и девиаций не имеют корней в нашей культуре*.

Открытое общество привело к неизбежной конкуренции систем институционально организованных идеалов. Столкнулись разные представления о лучшей/нормальной жизнедеятельности, трактовки значимости прав и обязанностей и, соответственно, понимания безопасности (акцентирование личной или коллективной безопасности). По нашему мнению, одной из основных причин коррупции – ценностное безнормие, аномия, возникшая в конце 90-х годов прошлого столетия.

С такими рисками общественной безопасности страна еще не сталкивалась и *модернизация в принципе направлена на управление ими*. Комплекс возникших вызовов необычайно сложен.

Объективности ради отметим, что многие россияне предрасположены к *упрощенным* подходам к новым сложным проблемам безопасности. Социологические опросы свидетельствуют, что 63 % граждан согласны мириться с некоторыми ограничениями своих прав и свобод ради «интересов безопасности». Категорически не хотят поступиться свободой только 6 %, а остальные в раздумьях²⁷. Однако, дилемма свобода или безопасность – ложная дилемма. Без свобод и прав человека риски не исчезнут, качество общественной безопасности не изменится к лучшему. Конечно, возможна «частичная обратимость процессов эволюции в сложных системах»²⁸. Однако в принципе «убежать» от тенденций современности нельзя. Современное общество – *сложное, инновационное* общество, и жизнь в нем отнюдь не предполагает «райское наслаждение» и «блага полным потоком». «По-настоящему современным, – отметил Д. А. Медведев, – может считаться только общество, настроенное на непрерывное обновление, на постоянные эволюционные преобразования социальных практик, демократических институтов, представлений о будущем, оценок настоящего, на постепенные, но необратимые перемены в технологической, экономической, культурной областях, на неуклонное повышение качества жизни»²⁹. Соответственно, в таком обществе *не может быть простых решений сложных проблем*, к каким относится и проблема общественной безопасности. Основные тяготы ее решения легли на плечи правоохранительных органов. «Их работа, – отметил Президент, – сопряжена с риском для жизни. Они трудятся на передовой линии борьбы с преступностью, защищают основы конституционного строя»³⁰.

Вместе с тем, Д. А. Медведев отметил, что одними наказаниями ни проблемы коррупции, ни другие вызовы общественной безопасности не решить. Соответственно, модернизация предполагает сделать открытыми для общества все сферы государственного управления, создание апелляционных инстанций в судах общей юрисдикции, очищение рядов милиции и специальных служб от недостойных сотрудников, меры по решению социально-экономических проблем нуждающихся, по упорядочиванию трудовой миграции. Словом, россиянам, чтобы быть современными, придется *учиться управлять рисками* общественной безопасности, откуда бы они не исходили, *в условиях открытого общества, развития свобод и демократии* – нельзя больше отгораживаться от остального мира.

В свете модернизации *проблема безопасности России на международной арене* во многом

поставлена по-новому. Речь шла о том, чтобы проводить внешнюю политику, исходя из принципов *неделимости безопасности* для всех народов мира, *взаимозависимости экономической и военной безопасности*, *толерантного отношения* к культурному, политическому и экономическому разнообразию, в целях формирования *справедливых отношений*. «Мы уже сейчас вместе занимаемся реформированием мировой финансовой архитектуры и системы безопасности, – отметил Президент, – фактически модернизируем их для учета интересов как можно большего количества государств, для формирования справедливых отношений в мировой политике и экономике». Он прямо подчеркнул, что ради выполнения новых задач, обусловленных модернизацией, российское руководство готово к самоизменению, проявлению гибкости во внешней политике: «мы сами должны поменять свои подходы, больше думать о том, как выстраивать совместную работу». При этом Президент особо ориентировал дипломатическую работу на экономические интересы страны, чтобы к нам приходили инвестиции, новейшие научные и технологические разработки. «Ее результаты, – говорил он, – должны выражаться не только в конкретной помощи российским компаниям за рубежом, не только в усилиях по продвижению брендов отечественных товаров и услуг, хотя это все очень важно, но и в объемах привлеченных зарубежных инвестиций, а главное – в притоке в страну новейших технологий»³¹.

По существу, модернизация предполагает движение в направлении сетевой безопасности страны, в которой каждое звено безопасности *функционально самодостаточно* и вместе с тем *взаимозависимо с другими звеньями*. Ослабление любого звена – будь то здоровье нации или экологическая безопасность – может привести к дисфункциональности всей системы безопасности.

Мышление в терминах риска и гуманизма

Для каждой модернизации характерно *свое* общественное сознание, *свой*, определенный тип мышления. В эпоху *индустриальной модернизации* мышление основывалось на постулатах существования законов общественного развития, презумпции внешней причины, принудительной каузальности, логоцентризма и евроцентризма научного знания. По существу, обосновывался «универсальный» детерминизм разума и морали, характерный-де для всей человеческой цивилизации. С позиций сегодняшнего дня такой тип мышления выглядит исторически ограниченным, но, представляется, в том мышлении была непреходящая ценность – практически все преобразователи стремились сочетать модернизацию

общества с *возможностями его гуманизации*. По крайней мере, гуманизм декларировался.

В *послевоенных модернизациях* в мышлении все более доминируют компоненты прагматизма и голого рационализма. Как считал выдающийся социолог современности Роберт Мертон, недостатком этого типа мышления является то, что оно латентно осуществляет «обучение неспособности» к творческому мышлению. От себя добавим – и к гуманистическому мышлению тоже.

Под влиянием возникновения рискогенного социума, фрагментаций, дисперсий, разрывов социальной реальности в последние десятилетия активно формируется рефлексивный тип мышления, мышления в терминах риска, основанного на постулатах о крайнем динамизме современного мира, глобальности пространства, размывании культурных идентичностей, резком уменьшении масштабов долгоживущего социума и увеличении потенциала неравновесности, случайностей. У этого мышления появились новые весьма достойные характеристики – стремление к интегральному использованию достижений естественных, социальных и гуманитарных наук, к учету как мужского, так и женского видения социума.

Однако, при всех достоинствах данного мышления, на наш взгляд, оно недостаточно учитывает проблематику *гуманистического* потенциала социальных акторов. Полагаем, общество теряет многие свои качества, способствующие сотрудничеству и солидарности людей, из-за того, что и ученые, и даже деятели культуры за последнее время снизили интерес к собственно проблеме *гуманизации* человеческих отношений.

Модернизация *для человека, для здорового образа жизни*, как ее квинтэссенцию сформулировал наш Президент, побуждает начать движение к утверждению нового типа мышления, который мы обозначили как *нелинейно-гуманистическое мышление*. Предполагается, что оно учитывает не только парадоксы и разрывы в общественном развитии, особенности все более нелинейно развивающегося рискогенного социума, но и ставит во главу жизнедеятельности человека *поиск новых форм гуманизма*, ориентированных на его экзистенциальные потребности, цели наращивания гуманистического потенциала в обществе. В самом общем приближении этот тип мышления можно определить следующим образом. Это мышление, исходящее из ускорения и усложнения социокультурной динамики, взаимозависимой целостности человечества, синергично учитывает парадоксальные синтезы и разрывы рискогенного, дисперсионного социума, его объективные, субъективно сконструированные

Научные школы МГИМО

и виртуальные реалии, ставит во главу исследования жизнедеятельности человека поиск новых форм гуманизма, ориентированных на его экзистенциальные потребности.

Если к мышлению в терминах рисков, представляется, россияне в принципе готовы – годы перестройки и «шоковой терапии» способствовали тому, хотя главным образом на *обыденном уровне* (профессиональные рискологи не готовились), – то с гуманистической составляющей не все так однозначно. Гуманизм общества во многом определяется *характером* нашей *виртуальной реальности*, формируемой масс-медиа. По существу, это все то, что россияне видят и слышат в повседневной жизни, особенно с экранов телевизоров. Виртуальная реальность не менее значима для *качества* образа жизни, чем реальность объективная или субъективная: безбрежный идейный и ценностный плюрализм вкупе с меркантильностью сделали ее рискогенной для национальной культуры, для ее гуманистической и интеллектуальной составляющих. Насколько удастся в рамках демократизма и открытости общества, восстановить гуманистический стержень российской культуры, нейтрализовав экспансию самых разных контркультур? Займут ли в ходе информационной модернизации *свое место* шоумейкеры, которые вытеснили с экранов передачи о трудовой этике и особенно образовательные программы? С телеэкранов активно исходят чувственные и потребительские ценности, столь характерные для жизни многих современных «звезд», которые зачастую не имеют *таланта*, предполагающего *созидательный труд*, а лишь *известность*, весьма легко создаваемую с помощью симулякров. А ведь без созидания как основополагающей формы социального действия модернизация не состоится. Заметим и то, что в русском языке слово «образование» имеет не только смысл обучения, но и формирования *образа* обучаемого, адекватного нашей культуре. Интеллектуализм и прагматизм без *органичного единства с гуманизмом*, по нашему мнению, не способствуют эффективной модернизации, а в некоторых случаях могут сами являться рискогенными факторами для здорового образа жизни.

При всех нынешних проблемах глубинные гуманистические корни нашей культуры, к счастью, не утрачены. Современные социологические исследования, проведенные сотрудниками Института социологии РАН, свидетельствует, что потенциал Добра и гуманизма в общественном сознании и поведении россиян сохраняется, хотя приобретает новые черты и качества. Социологический портрет современной России определяют Свобода

и Братство. Это огромный гуманистический потенциал успешности модернизации, хотя его отягощает невиданная ранее социальная дифференциация населения. Вместе с тем, результаты исследования свидетельствуют, что «идут внешне не очень заметные, но, тем не менее, достаточно интенсивные процессы коллективной интеграции, самозащиты и самоорганизации в рамках локальных сообществ... многие россияне демонстрируют сравнительно высокий уровень включенности в решение тех или иных проблем, с которыми они сталкиваются в своем непосредственном окружении, но к еще большей степени – готовность к такого рода участию в будущем»³². Отрадно и то, что 30 % представителей среднего класса самым главным в воспитании детей в современных условиях считают воспитание честности и доброты³³. Прямо скажем, не все ныне существующие общества, отягощенные ценностями потребительства и прагматизма, имеют такой гуманистический потенциал. Разумеется, в контексте давления меркантильных ценностей еще многое необходимо сделать, чтобы он обрел качество, адекватное требованиям нынешней модернизации.

Модернизация *для* человека просто не может не иметь гуманистической основы. «Инновационная экономика, – отметил Д. А. Медведев, – может сформироваться только в определенном социальном контексте как часть инновационной культуры, основанная на гуманистических идеалах, на творческой свободе, на стремлении к улучшению качества жизни. Именно закрепленные в национальной культуре нравственные установки, модели поведения предопределяют успешное развитие личности и нации в целом»³⁴.

Если не придать инновационным разработкам *гуманистическую направленность*, то многократно возрастают опасности *ненамеренных негативных последствий* для человека и общества. Но самое главное – необходимо добиться *единства мышления* в терминах риска, по существу, творческого мышления в контексте нынешних неопределенностей, и мышления в терминах гуманизма. Разумеется, движение к нелинейно-гуманистическому мышлению не осуществится спонтанно, без активных целенаправленных усилий. Принцип *laissez faire* здесь просто не сработает.

По нашему мнению, необходимы практические шаги в двух направлениях. Во-первых, начать профессиональную подготовку *риск-менеджеров*, ориентированных на решение, прежде всего, практических проблем, и *социологов-рискологов*, готовых к анализу сложных рискогенных проблем, затрагивающих одновременно несколько сфер жизнедеятельности людей. Полагаем, для успешной

модернизации такие специалисты просто жизненно необходимы. Думается, МГИМО-Университет, Кафедра социологии могла бы быть пионером в этом деле. С учетом увеличивающейся рискогенности внешнеполитической деятельности, о чем конкретно было сказано выше, такие специалисты, представляется, будут востребованы и в МИД России. Во-вторых, как отметил Президент, «главная задача современной школы – это раскрытие способностей каждого ученика, воспитание личности, готовой к жизни в высокотехнологическом, конкурентном мире»³⁵. Соответственно, необходимо предпринять конкретные усилия в направлении *огуманизирования* образования в стране в целом, что, естественно, предполагает обучение *творчеству*, ориентированному на *общественно значимую самоорганизацию*, на *самотворение* собственно *человеческого потенциала* в контексте любых рискогенных ситуаций. Тогда результирующей модернизации станет социологический портрет России, который будут определять Свобода, Братство, Гуманизм.

Sergey A. Kravchenko. The Risks of the would be Modernization of the Country: Sociologists-Riskologists are Required.

In the article the potential risks are discussed in connection with the programme of modernization put forward by the President of Russia D. A. Medvedev. The author argues that modern risk challenges are mainly due to the ambivalence of the process of innovations taking place in the development of science and technologists: their results are not only expected bringing the wealth to people but some of them contain unanticipated consequences with new dangers. The problem of innovative approaches to the national security is analyzed in connection with new possibilities of risk management. The author also states that it is possible to overcome these risk challenges only developing creative humanistic thinking and conducting the preparation of specialists that are sociologists-riskologists and risk-managers.

1. *Медведев Д. А.* Послание Федеральному Собранию // <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>.
2. *Медведев Д. А.* Послание... // <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>.
3. *Медведев Д. А.* Послание... // <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>.
4. См. например: *Тощенко Ж. Т.* Парадоксальный человек. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008; *Левада Ю.* Человек обыкновенный в двух состояниях // Вестник общественного мнения, 2005, № 1.
5. *Медведев Д. А.* Послание... // <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>.
6. См.: *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Эдиториал УРСС, 2001; *Князева Е. Н., Курдюмов С. П.* Синергетика: Нелинейность времени и масштабы коэволюции. М.: КомКнига, 2007 и др.
7. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великого русского языка. В 4-х т. М., 1955. Т. 1. С. 96.
8. См.: *Найт Ф.* Понятия риска и неопределенности. Альманах THESIS, 1994. № 5.
9. См.: *Медведев Д. А.* Послание... // <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>.
10. *Бек К.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 38, 39.
11. *Бек У.* От индустриального общества к обществу риска. Альманах THESIS, 1994. № 5. С. 162.
12. См.: *Кравченко С. А.* Риски в нелинейном глоболокальном социуме. М.: Анкил, 2009. С. 39.
13. *Медведев Д. А.* Послание... // <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>.
14. См.: *Кравченко С. А.* Кризис нашего времени – неизбежная фаза перехода к новому социокультурному порядку (по мотивам работ П. А. Сорокина). Вестник МГИМО-Университета, № 3–4, 2009. С. 97.
15. См.: *Perrow C.* Normal Accidents: Living with High-Risk Technologies. N.Y.: Basic Books, 1986.
16. См.: *Яницкий О. Н.* Социология риска. М.: Издательство LVS, 2003. С. 48–55.
17. См.: *Яницкий О. Н.* «Критический случай»: социальный порядок в «обществе риска» // Социологическая теория: история, современность, перспективы. Санкт-Петербург: «Владимир Даль», 2008. С. 377.
18. *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2003. С. 326.
19. См.: *Заславская Т. И.* Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. С. 197.
20. *Тихонов А. В.* Социология управления. М.: «КАНОН+», 2007. С. 61.
21. См.: *Health, Risk and Vulnerability.* Ed. by A. Petersen and I. Wilkinson. London, N.Y.: Routledge, 2008.
22. The 8th Conference of the European Sociological Association. Conflict, Citizenship and Civil Society, Glasgow, 3rd–6th, September, 2007. Abstract Book. P. 229.
23. *Медведев Д. А.* Послание... // <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>.
24. *Медведев Д. А.* Послание... // <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>.
25. *Медведев Д. А.* Послание... // <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>.
26. См.: *Поппер К.* Открытое общество и его враги. М., 1992.
27. См.: Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России / Под общ. ред. М. К. Горшкова. М.: ИИК

Научные школы МГИМО

- «Российская газета», 2007. С. 123.
28. *Князева Е. Н., Курдюмов С. П.* Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М.: КомКнига, 2007. С. 31.
 29. *Медведев Д. А.* Послание... // <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>.
 30. *Медведев Д. А.* Послание... // <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>.
 31. *Медведев Д. А.* Послание... // <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>.
 32. Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России / Под общ. ред. М. К. Горшкова. М.: ИИК «Российская газета», 2007. С. 444.
 33. См.: Социологический портрет современной России... С. 305.
 34. *Медведев Д. А.* Послание... // <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>.
 35. *Медведев Д. А.* Послание... // <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>.